

И. И. Муллонен

Маркировка границы в топонимии Заонежья

Проблема маркировки границы в топонимии Заонежского полуострова, расположенного на северном побережье Онежского озера, возникла в связи с созданием географической информационно-аналитической системы «Топонимия Заонежья». Она нацелена на привязку базы данных топонимов Заонежья к объектам электронной карты. На карте предполагается разместить около 10 тыс. названий крупных и мелких географических объектов Заонежского полуострова, собранных в полевых экспедициях на протяжении последних 30 лет. В ходе работы выявилось наложение определенных топонимных моделей на границы погостов, волостей, районов и других административных подразделений разного времени, а также на границы, отделявшие государственные земли (леса) от сельскохозяйственных владений крестьянских обществ, а позднее колхозных земель. Присутствие некоторых из моделей, к примеру топонимов, в основе которых присутствует лексема *межа* (*Межевой ручей*, урочища *Межевуха*, *Межевая Сельга*, дер. *Межники*) или *угол* (уголья под названием *Угол*, *Угольская Нива*, *Каменный Угол*, *Угольный Бор*, *Киришкин Угол* рядом с урочищем *Межевой Колодец*), было вполне ожидаемо. Другие же оказались не столь прозрачны. Ниже будут представлены некоторые из моделей, так или иначе связанные с мифологизацией пространства. Добавим к этому, что картографический материал и описания границ, привлеченных для исследования, достаточно разнообразен — от описания границ Шунгского погоста XVI в. до колхозных карт. Ценным источником оказались хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве карты крестьянских земель и лесов по Заонежскому полуострову [РГИА, ф. 380, оп. 17, № 496, 498, 529, 530, 533, 534] второй половины XIX в.

Издревле пограничными знаками, как известно, были камни. В описании границ Шунгского погоста XVI в. они упоминаются в этой функции неоднократно: «А с верхнево Палозера середним бором водоволоком да к камению», «да на той горы... положено камень» «да Пигмозером на виликой камен» и др. [Витов 1962: 176]. Особый интерес вызывают упомянутые в этом же документе два пограничных *Синих камня*: один в заливе Онежского озера Святуха «в страдных

островах меж островами камен синь выше воды», другой на восточном берегу Космозера, где «синей камен на берегу... стоит выше воды» [Там же]. Второй из этих *Синих камней*, расположенный у бывшей деревни Ганжак Космозерской волости, зафиксирован и в наших полевых материалах, первый же обнаружить не удалось, если только он не выступает сейчас под названием *Острадная луда*. Кроме этих двух камней в нашей картотеке по заонежской топонимии есть упоминания еще о пяти *Синих камнях*, два из которых, привязанные к старым границам, могут квалифицироваться как пограничные. Они маркируют традиционную границу Великогубской и Яндомозерской волостей, один на южном, другой на северном участке границы. Три других *Синих камня* не имеют такой откровенной пограничной привязки, хотя, с другой стороны, *Синий камень*, известный в дер. Усть-Реча Великогубской волости, располагается на поле с названием *Обод*, в котором заключена идея границы. Картографирование заонежских *Ободов* показало, что в подавляющем большинстве случаев они находились либо на границе деревенских полей и отделяли их от леса и лесных полян, либо отграничивали от леса или угодий соседней деревни свои владения. Устрецкий *Обод* с *Синим камнем* служил южной границей устрецких земель и отделял их от владений старого Вегорукского погоста. В свою очередь, поляна *Синий Камень*, расположенная у северо-западной оконечности Виговской губы Онежского озера, привязана к границе, отделявшей государственный лес от сельскохозяйственных владений крестьянского общества Вигово.

Синие камни становились уже объектом топонимического исследования. А.К.Матвеев обращает внимание на сакральный характер объектов с названием *Синий камень* на Ярославщине и считает их возможным мерянским наследием [Матвеев 1996: 16], следы их сакральности обнаружены также в зоне Верховажья в Вологодской области [Березович 2000: 437–438]. Определенный отголосок мифологических представлений связан по крайней мере с одним из заонежских *Синих камней*, около которого «чудилось».

В контексте заонежских объектов с названием *Синий камень* особый интерес представляет замечание (сделанное, правда, вскользь) о том, что для многих синих камней Ярославского края свойственна функция «обозначения какой-либо границы» [Алквист 1996: 247].

Каково семантическое наполнение топонима *Синий Камень* и его этнокультурная интерпретация с учетом возможной привязки его к границам? Почему именно *Синий камень* часто маркирует границу? Известно, что синий камень — устойчивый образ мифологического про-

странства. Он неоднократно фиксируется на Севере, к примеру, в заговорной традиции, и не только в устойчивой формуле «на синем море синий камень» [напр., Курец 2000: 74], но и в других ситуациях. «Синий камень тебе в рот» — говорят человеку, если хотят, чтобы он перестал ругаться [из полевых записей К.К. Логинова, Научный архив КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 6, дело 627, л. 91, 2002]. Для нейтрализации яда при укусе змеи предлагается запрыгнуть на синий камень [устное сообщение К.К. Логинова]. Синие камни являются локусом-эмблемой водяного, что позволяет видеть за ними «первые островки земли, вырастающие из первобытного хаоса» [Криничная 2001: 509]. Не несут ли и пограничные *Синие Камни* такой идеи упорядочения пространства, выделения своей, освоенной территории и отделения ее от чужой, непознанной?

Еще одна загадка заонежской топонимной модели *Синий Камень* заключается в ее ареальной характеристике. Все отмеченные топонимы зафиксированы в юго-восточном углу Заонежского полуострова, в окрестностях старинного села Великая Губа и ее округе, и неизвестны по данным топонимической картотеки Института ЯЛИ КарНЦ РАН в остальном Заонежье. Что стоит за этим локальным ареалом и как он согласуется с традиционными представлениями о возможных мерянских истоках модели, пока не вполне ясно.

Описание границ Шунгского погоста XVI в. приводит еще одну топонимную модель, которая может интерпретироваться как «пограничная». Описание межи начинается с *Крестового Мха*, где «на крестах земля сошлась четырех погостов углом» [Витов 1962: 175]. Топонимы с основой *крест-* часты в наименованиях мест, расположенных при дорогах и, прежде всего, перекрестках дорог. Однако картографирование указывает и на частотность их в названиях приграничных объектов, расположенных как правило в местах, где границу пересекала дорога. Пахотная поляна *У Креста* находилась по дороге из дер. Мягкая Сельга в дер. Марковщина, причем была последней из принадлежавших дер. Мягкая Сельга в этом направлении. Стоит упомянуть в этой связи, что деревни относились в разным волостям Великогубского погоста. Деревня *Кресты* находилась на границе трех волостей южного Заонежья — Космозерской, Великоновинской и Яндомозерской. Урочище *Кресты* или *У Креста*, располагавшееся на северо-западном берегу Яндомозера, маркировало границу Великогубской и Яндомозерской волостей. Характерно, что оно примыкало к урочищу *Зимник*, помечавшему начало зимнего пути через озеро. Местность под названием *Половинный Крест* находилась на полпути между последней деревней Великоновинской волости Юлмаки и первой

деревней Толвуйской волости Царево. Этот ряд примеров может быть продолжен, и интерпретация его должна, видимо, учитывать то обстоятельство, что крест обозначал и в севернорусской, и в прибалтийско-финской традиции сакрально отмеченное место. Он маркировал, по мнению исследователей традиционной культуры Севера, границы освоенного мира, и в этом контексте «крестовые» топонимы логичны именно на границах. При этом не исключено, что часть из них могла возникнуть в результате освящения «страшных» мест, как попытка нейтрализовать нечистую силу. Такой мотив строительства крестов и часовен хорошо известен на севере [См., например, Щепанская 1995: 160–165, Культурный ландшафт... 1998: 93].

Показательно в связи с этим безусловное пограничное расположение некоторых топонимов, в которых отразились лексемы, связанные с обозначением нечистой силы. Таков *Бесовец* — отдаленная сенокосная поляна с. Вырозера. Планы землевладения колхозов середины XX в. свидетельствуют о том, что она располагалась в северо-западном углу владений Вырозера, на границей Вырозерской и Толвуйской волостей. По тем же планам принадлежавшее Великой Губе урочище *Бесовщина* примыкало к границе Великогубской и Яндомозерской волостей. Ручей *Бесовка* разделял земли двух микрогнезд поселений — Щельи и Большой и Малой Нив, расположенных в южном конце Кузарандской волости. Деревенька *Бесово* до разрастания гнезда поселений Юлмаки, в состав которого она входила, была крайней, последней на северной границе Великонивской волости.

Сакрализацию пространства и его границ отражают, по-видимому, и топонимы с основой *бука* ‘черт, нечистая сила, домовый, мифологическое существо, служащее для устрашения детей’ [Черепанова 1983: 45–46], также привязанные к локальным границам. Болото *Букин Мох* маркирует границу землевладения деревень Типиницы и Корьтово. Ручей под названием *Букин Порог* расположен на восточной границе Космозерской волости. При этом картографирование объектов, указанных в качестве пограничных в упомянутом уже выше описании Шунгской межи XVI в., позволяет утверждать, что именно он фигурирует там под названием пограничного Шидроручья. Традиция пограничного объекта была, таким образом, присуща ручью на протяжении столетий. О том, что в народных представлениях Букин Порог действительно был сакральным объектом, свидетельствует связанное с ним предание, зафиксированное Е. В. Барсовым: «По дороге из Космозера через гору в Фоймогубу есть ручей, доньине называемый Букин порог. От древности выходили отсюда удельницы и показыва-

лись на росстанях: волосы у них длинные, распущенные, все равно как у нынешних барышен, а сами черные» [Цит. по: Криничная 2001: 462]. Отмечу еще один топонимный факт, выступающий доказательством пограничного и одновременно сакрального характера Букина Порога. Ручей течет через озеро *Дристорозеро* (на картах XIX в. *Тристорозеро*) с нехарактерным для топонимов-полукалек, восходящих к прибалтийско-финским оригиналам, сочетанием согласных в начале слова. Есть основание полагать, что здесь произошло известное топонимии Заонежья наращение взрывного звука перед сонорным (*Ленозеро* — *Кленозеро*, *Росковщина* — *Дросковщина*), так что первоначально топоним имел вид **Ристозеро* и в нем закрепилось приб.-фин. *rist*, *risti* 'крест', связанное, как уже выяснилось выше, с обозначением сакрально отмеченных мест, привязанных нередко к границам.

Последний сюжет выводит на субстратную прибалтийско-финскую топонимию Заонежья, в которой также нашла отражение идея сакрализации пространства и его границ. Наиболее показательны гидронимы с основой *pyhä* 'святой' (*Pyhäjärvi* 'Святое озеро', *Pyhäjoki* 'Святая река'). Современное религиозно-магическое значение выросло из первоначальной семантики 'изгородь, ограда, граница' [Хакулинен 1955: 87], которая и выступает в ряде «святых» гидронимов. В литературе обсуждается две этимологические версии прибалтийско-финского слова, при этом обе реконструируют приведенную выше схему семантического развития. Согласно одной версии слово является древним германским заимствованием, которое бытовало в прибалтийско-финских языках задолго до распространения христианства и означало границу, отделяющую свою землю от чужой (или находящейся в общем пользовании) [Anttonen 1994: 27]. Для лексемы существует и своя, исконная этимология, исходящая из лабиализации *i* первого слога в *y* (*piha* → *pyhä*) и семантического развития 'двор' → 'обособленная территория' → 'святой' [SSA]. Кроме того, SKES приводит финские диалектные и старописьменные примеры производных от основы *pyhä-*, в которых сохранилось древнее значение 'огородить, отделить, выделить' [SKES].

Географическая характеристика водных объектов, в названиях которых выступает основа *pyhä-*, свидетельствует о реальном существовании этой реконструируемой семантики у прибалтийско-финской лексемы. Такие названия встречаются у водных объектов, которые являются последними, замыкающими в цепи озер, ручьев и рек определенной водной системы или ее участка и примыкают к пограничной зоне, отделяющей один водный бассейн от другого. Можно добавить, что на берегах «святых» озер и рек часто отсутствует, а судя по исто-

рическим материалам, и прежде отсутствовали поселения. Подобные «святыи» гидронимы отмечены к тому же обычно в стороне от важных водно-волоковых путей.

Возможность именно такой интерпретации гидронимной основы *pyhä*- в эстонской топонимии не отрицал в свое время Лаури Кеттунен [Kettunen 1955: 249], а финский историк Сеппо Суванто заметил, что на территории Финляндии и Эстонии гидронимы с основой *pyhä*- привязаны к древним, восходящим еще к железному веку, родовым границам [Suvanto 1972: 54]. Анализ «святыи» гидронимов на вепсской территории показал, что сходная ситуация была и на Российском Северо-Западе. И здесь «святыи» гидронимы могли помечать древние границы местного населения и служить своеобразными пограничными знаками [Муллонен 2002: 145–155].

Помимо географического положения «святыи» озер и рек древняя семантика ('граница') прибалтийско-финского слова *pyhä* подтверждается и привязкой части из них к границам средневековых погостов, которые, как правило, восходят к более ранним территориальным подразделениям местного прибалтийско-финского населения, проживавшего здесь до распространения новгородского господства [Кочуркина 1973: 74].

В Заонежье границы средневекового Шунгского погоста помечены двумя «святыими» гидронимами: озеро *Пигмозеро* и залив Онежского озера *Святуха*. Оба топонима требуют определенных пояснений.

Пигмозеро восходит к наименованию вытекающей из озера реки *Пигма*, которая, в свою очередь, входит в ряд заонежских речных наименований с конечным *-ма*: *Судма*, *Падма* (*Падьма*), *Кажма*, **Вожма*. Для анализа этой группы названий должен, прежде всего, быть решен вопрос о природе *-ма*: является ли он формантом или входит в производящую основу. В принципе устойчивость его в потапонимах Заонежья дает основание предполагать в нем суффиксальный элемент, (хотя топонимия Заонежья содержит и примеры обратные, когда *-ма* входит в корень слова: *Ладм/озеро*, *Салма*, *Лижма*). На суффиксальную природу указывает и выявляющаяся в Заонежье закономерность в функционировании *-ма* в составе топонимов. Дело в том, что наряду с примерами, в которых *-ма* является вторым слогом (*Пигма* и др., см. выше), выявляется группа топонимов с *-ма* в третьем слоге: *Яндом*, *Шайдома*, *Пегрема*, *Линдома*. Сопоставление звуковой структуры двух групп топонимов указывает на то, что в первой, скорее всего, произошло выпадение гласной из второго слога (*Пигма* < **Пигама*), которому во втором случае препятствовало сочетание согласных на

стыке первого и второго слога. Иначе говоря, ситуация определялась открытостью или закрытостью первого слога. В каком языке истоки этого явления? Из прибалтийско-финских языков, бытовавших в прошлом в Заонежье, явление редукции гласных известно вепсскому, однако оно происходило там в ситуации, прямо противоположной той, которая выявляется в Заонежье, а именно после закрытого первого слога [Tunkelo 1946]. Поэтому явление имеет, скорее, русские корни и связано с адаптацией прибалтийско-финских топонимов с ударным первым слогом. Добавим, что гидронимы с *-ма* во втором слого группируются в той зоне Заонежья, которая относительно рано испытала русское языковое воздействие.

Есть и другие обстоятельства, позволяющие предполагать присутствие в *Пиёма*, *Судма* и прочих речных наименованиях Заонежского полуострова «речного» форманта *-ма*. В истоках реки Судмы расположена губа (залив озера Космозера) под названием *Суда* или *Судочья*, в котором основа закрепилась без названного форманта. Не менее показательна и этимологическая интерпретация: вычленив конечный элемент *-ма*, можно предложить достаточно убедительную этимологию для большинства перечисленных названий, в то время как комплексы, включающие в свой состав *-ма*, практически не поддаются этимологизации. Так, название реки *Кажма*, представляющей собой короткую протоку между обширной губой Онежского озера Святухой и озером Космозером, заманчиво возводить к прибалтийско-фин. *kasa* (вепс. *kaza*, карел. *kasa*) 'угол, край, бок'. Такая интерпретация находит поддержку в географической характеристике: озеро Космозеро, из которого вытекает река Кажма, является угловым, боковым по отношению к Святухе¹. Берега река Падмы известны как основной сенокосный массив центрального Заонежья, что дает основание предлагать для

---

¹ *Космозеро* и *Кажма*, безусловно, имеют общие истоки, разница же в их современном фонетическом облике вызвана тем, что разные концы озера Космозера, протянувшегося с юга на север практически через все центральное Заонежье, в ходе освоения территории испытали разное этноязыковое воздействие. В названии реки Кажмы, расположенной в северном конце озера, отразилось, видимо, карельское освоение, в то время как в лимнониме Космозеро могло отразиться относительно раннее русское воздействие, которое испытало южное Заонежье. Истоки же названия заманчиво видеть в вепсском языке, в пользу чего говорит использование лексемы *kaza* в вепсской топонимии [Муллонен 2002], а также подтвержденное археологически присутствие вепсов в Заонежье на рубеже тысячелетий [АК].

этимологии приб.-фин. *pata*, *patoi*, *patama* (в котором *-ma* — словообразовательный суффикс) ‘обширная безлесая низина, в которой весной и осенью (иногда и на протяжении всего лета) стоит вода’ [KMS]. Впрочем, для гидронима существует и более традиционная этимология, связывающая его с приб.-фин. *pato*, *pado* ‘запруда на реке’.

Название расположенной в окрестностях Кижей реки *Вожма реконструируется на основе современной, явно вторичной формы *Вожмариха*, в которой выделяются русский суффикс *-иха* и прибалтийско-финский элемент *-ar* < *-ar*, представляющий собой усеченный вариант прибалтийско-финского (вепсского) детерминанта *-järv* ‘озеро’. Иначе говоря, современное название реки восходит к приб.-фин. (возможно, вепсскому) наименованию озера *Vožmaa* (*Važmaa)² < *Vožmajärv* (*Važmajärv), рус. *Вожмозеро*, из которого река вытекает. Кстати, в материалах XIX в. название отразилось именно в реконструированном выше облике *Вожмарь* — название сенокосного угодья вдоль ручья [РГИА, ф. 380, оп. 17, № 533, планшет 70]. В свою очередь, лимноним периода первоначального образования мог восходить к речному наименованию **Vožm(a)* или **Važm(a)* с конечным *-ma*, выделяющимся и в других потамонимах Заонежья. В пользу такого многоступенчатого образования, а, главное, возможности выделения в составе топоосновы конечного элемента *-ma* свидетельствует этимология названия. В его основе можно восстановить саамское *vuočč’o* ‘болото, в которое с окрестных более высоких мест стекает вода, вытекающая из болота через ручей’, *vuáččü* ‘длинное узкое болото или залив’ [SKES] или прибалтийско-финское (видимо, вепсское) *važ ‘болото’, которое реконструируется на основе данных вепсской топонимии и родственных языков [Муллонен 2002: 287–288]. В последнем случае вепсский топоним попал в сферу относительно раннего русского освоения, маркировавшегося передачей прибалтийско-финского *a* как *o*. Предложенная этимология, уже обсуждавшаяся в топонимических исследованиях [Агапитов 2003: 283] убедительно подтверждается ландшафтно-географической характеристикой местности, представляющей собой болотистое побережье Онежского озера.

В этом контексте и в названии реки *Пигма*, вытекающей из обширного озера Пигмозеро в Уницкую губу Онежского озера, допустимо выделение двух структурных элементов: топоосновы *pig-* и форманта *-ma*. При этом топооснову допустимо возводить к приб.-фин. *pyhä* в его изначальном значении ‘ограда, граница’, подтверждением чему

² О возможности первоначального варианта с *a* в основе см. ниже.

служит не только привязка озера и реки к границе Шунгского погоста XVI в. [Витов 1962: 176], но и то, что озеро Пигмозеро является водораздельным. Последнее обстоятельство высвечивается названием расположенного южнее Пигмозера на расстоянии 1 км., но по другую сторону водораздела, названием озера *Ладмозеро*, восходящего к карел.-люд. *ladm* (ср. карел. *latva, ladva, ladv*) 'исток, вершина реки'.

Второй «святой» гидроним Заонежья, также маркирующий границы Шунгского погоста, — это *Святуха*, название узкого длинного залива Онежского озера, прорезающего территорию полуострова с севера на юг. Анализ гидронимов с основой *свят-* в районе южного Обонежья и примыкающего к нему Присвирья, где сосуществуют вепская и русская топонимическая система и для большинства вепских гидронимов обнаруживаются русские варианты, свидетельствует о том, что целый ряд маркированных русской основой *свят-* названий рек и озер являются переводами вепских оригиналов с основой *pyhä-*, т. е. вепс. *Pyhäjärv* по-русски звучит как *Святозеро*, а *Pyhäd'ogi* как река *Святуха* [СГС]. Русские соответствия отразили тот момент в семантическом развитии прибалтийско-финского *pyhä*, когда первоначальное значение 'ограда, граница' было уже неактуальным, а возобладала семантика 'святой'. Именно она отражена во многочисленных переводных *Святозерах*, *Святых озерах*, *Святухах* и т. д.

Название губы Святуха в Заонежье по ряду косвенных (косвенных, поскольку не удастся обнаружить предполагаемый прибалтийско-финский оригинал) свидетельств также может быть переводом древнего вепского гидронима. Во-первых, практически все относительно крупные водные объекты Заонежского полуострова имеют прибалтийско-финские или саамские названия. Далее, по своей ландшафтно-географической характеристике Святуха является настоящим водораздельным озером, южная оконечность которого отделяется от озера южного Заонежья перешейком. Путь с южного побережья Онежского озера во внутреннее Заонежье через этот перешеек был явно менее удобен (в силу ландшафтных особенностей) и более длителен, чем продвижение через соседний водораздел между Великой губой Онежского озера и южной оконечностью Космозера. Длина последнего не превышает двух с половиной километров, при этом в ландшафтном отношении перешеек удобен для движения. О том, что он действительно использовался для этой цели, свидетельствует сохранившееся здесь название урочища *Тайбола*, восходящее к карельскому *taipale, taibale* 'путь, расстояние; переход (напр., из деревни в другую по глухой лесистой местности)' [SSA]. Кроме того, уже са-

мые ранние письменные источники по территории Заонежья фиксируют на Космозере поселения, входящие в состав одного погоста с деревнями, примыкающими к побережью Великой губы Онежского озера, что также подтверждает существование в древности волоковой дороги от Онежского озера до южной оконечности Космозера. Берега же Святухи на всем ее протяжении, кроме северного побережья, осваивавшегося с севера, оставались в течение столетий незаселенными.

Святуха, таким образом, оставалась в стороне от дороги и воспринималась прибалтийско-финскими насельниками края, продвигавшимися с юга, как крайнее, пограничное, т. е. «святое» озеро.

Результаты анализа «пограничных» топонимных моделей Заонежья свидетельствуют, таким образом, о сакральном статусе пространства и его границ в представлениях создателей заонежской топонимии. Названия указывают также на значительную устойчивость границ во времени, что важно учитывать при анализе возникновения и функционирования локальных общностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапитов 2003 — *Агапитов В. А.* Топонимия и археологические памятники Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». Петрозаводск, 2003.
- Алквист 1996 — *Алквист А.* Загадочные камни Ярославского края // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.–15.08.1995. Pars VII. Litteratura. Archaeologia. Anthropologia. Jyväskylä*; 1996.
- Березович 2000 — *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000. С. 437–443.
- Витов 1962 — *Витов М. В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков. Из истории сельских поселений. М., 1962.
- Кочуркина 1973 — *Кочуркина С. И.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.
- Криничная 2001 — *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Т. 1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб., 2001.
- Культурный ландшафт 1998 — *Калуцков В. Н., Иванова А. А., Давыдова Ю. А., Фадеева Л. В., Родионова Е. А.* Культурный ландшафт Русского Севера. Пинежье, Поморье. М., 1998.
- Курец 2000 — Русские заговоры Карелии. Составитель Т. В. Курец. Петрозаводск, 2000.

- Матвеев 1996 — *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // ВЯ. 1996. № 1.
- Муллонен 2002 — *Муллонен И. И.* Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск. 2002.
- СГС — *Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / Под редакцией А. С. Герда. СПб., 1997.
- Хакулинен 1955 — *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. 2. М., 1955.
- Черепанова 1983 — *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983.
- Щепанская 1995 — *Щепанская Т. Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. СПб., 1995.
- Anttonen 1994 — *Anttonen V.* Erä- ja metsäluonnon pyhyys // Metsä ja metsänvilja. Kalevalaseuran vuosikirja 73. Pieksämäki, 1994.
- Kettunen 1955 — *Kettunen L.* Etymologische Untersuchung über estnische Ortsnamen. Helsinki, 1955.
- KMS — *Nirvi R. E.* Kiihtelysvaaran murteen sanakirja VI. Lappeenranta, б/г.
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. LSFU, XII. Helsinki, 1955–1981.
- SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. SKST 556. Helsinki 1992–2000.
- Suvanto 1972 — *Suvanto S.* Satakunnan ja Hämeen keskiaikainen rajalaitos. Tampere, 1972.
- Tunkelo 1946 — *Tunkelo E. A.* Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 03-04-12030в.